

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Шевчук Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы,
Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4
E-mail: socphil@philos.msu.ru

Работа посвящена анализу оснований или корней социальной динамики, отраженных в категориях. Рассматриваются вопросы, связанные с взаимоотношениями категорий «прогресс», «модернизация», «глобализация», «революция», «реформа» и др. Исследуются точки зрения отечественных (С.Н. Гавров, П.К. Гречко, Г.А. Завалько, Ю.И. Семенов и др.) и иностранных авторов (Г.В.Ф. Гегель, Р. Дарендорф, К. Маркс, Ж.А. Кондорсе, К.Р. Поппер, А. Тойнби). Делается вывод о том, что динамика эволюции общества требует постоянного концептуального осмысления категорий, отражающих его системность и целостность. В частности, это касается таких категорий как «направленность исторического процесса», «источники (причины) изменения общества».

Ключевые слова: глобализация, глобализм, модернизация, прогресс, общество, категории, революция, реформа

ABOUT THE RATIO OF CATEGORY OF SOCIAL DYNAMICS

Shevchuk Ivan I., Ph.D (Philosophy), Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovskiy ave., Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: socphil@philos.msu.ru

The work is devoted to analysis of reasons and roots of social dynamic, reflected in categories. Author considers questions, connected with mutual relations of such categories as “progress”, “revolution”, “reform” etc. Are investigated points of view of domestic (Gavrov S.N., Grechko P.K., Zavalko A.G., Semenov Y.I., etc.) and foreign authors (G.W.F.Hegel, R.Dahrendorf, K.Marx, J.A. Condorcet, K.R.Popper, A.Tojnbí). Making conclusion, that dynamic of society evolution needs its systemacy and integrity. In particular, it concerns such categories like “directionality of historical process”, “sources (causes) of society changes”

Keywords: globalization, globalism, modernization, progress, society, of, revolution, reform

Общество – это сложная динамическая система различных материальных и духовных связей и отношений, с одной стороны, и сознательной волевой деятельности людей – с другой. Философско-научное познание, в отличие от эмпирической констатации различного рода фактов, связано с отображением действительности посредством теоретического воспроизведения объектов в логике понятий, или наиболее общих философских понятий – категорий. Поэтому интерес к обоснованию категорий социальной динамики зиждется на необходимости совершенствовать методологию социально-философского и философско-исторического познания. Определиться с соотношением категорий социальной динамики важно и в теоретическом, и в практическом смысле в случае применения их в социальной практике, ибо Демокрит не случайно указывал, что «лучше думать перед тем, как действовать, чем после» [10, с. 163].

Убедительными показателями социальной динамики, особенно в XX–XXI вв., являются социальные, политические, экономические кризисы, а также экологические и техногенные катастрофы, локальные войны, террористические акты. В 2017 г. будет отмечаться (не праздноваться!) столетие Великой Октябрьской социалистической революции, потрясшей современный мир. Отсюда одной из актуальных проблем социальной философии и философии истории является рассмотрение с позиций аналитической и субстантивной философии истории оснований, или корней, и факторов социальной динамики, выраженных в категориях «общественный прогресс»,

«модернизация», как форма общественного прогресса, «глобализация» и «глобализм», «революция» и «реформа». Они теоретически в определенной мере «схватывают» и отражают основные концептуальные модели истории, источники (причины) и движущие силы (факторы) исторического изменения общества, механизмы и формы его социокультурного преобразования. При этом нельзя не учитывать сложность и многогранность всемирной истории, о которой Гегель, пытавшийся применить принцип развития к историческому процессу, говорил как об «огромной картине изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими» [2, с. 119].

Несомненно, что общественный прогресс и модернизация являются взаимосвязанными: прогресс предполагает модернизацию, а модернизация – это мерило прогресса. Понятие прогресса все чаще стало заменяться понятием «социальные изменения», т.е. движение и к лучшему, и к худшему – любые изменения вообще (Л. Визе). Но понятие изменений по объему шире понятий развития и прогресса, так и развитие, и прогресс имманентно предполагают изменения, но не наоборот. И в то же время понятие прогресса является более узким, чем понятие развития.

Прогресс (от лат. *движение вперед*) – это поступательное развитие, при котором все изменения, особенно качественные, идут по восходящей линии, под которой понимается переход от простого к сложному, от низшего к высшему, от менее современного к более совершенному. Различают общественный (социальный), материальный, научно-технический прогресс и др. Правда, нередко считают, что прогресс в обществе (его основных сферах) существует, а прогресса общества быть не может, так как общество не является субъектом прогресса. Точнее идея прогресса – валюативная, а в науке не должно быть оценок, хотя возможны оценки значимости суждений об общественном прогрессе (или прогрессе вообще). К. Поппер ещё более категоричен: «Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы, и мы можем делать это, защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода, а вместе с тем и прогресс» [11, с. 479]. И если на рубеже XIX–XX вв. С.Л. Франк считал, что «вера в прогресс, в неустанное и непрерывное совершенствование человечества, в неуклонное, без остановок и падений, восхождение его на высоту добра и разума, – эта вера вдохновляла множество людей в продолжение последних двух веков, в настоящее время разоблачена в своей несостоятельности с такой очевидностью, что нам остаётся только удивляться наивности поколений, её разделявших» [15, с. 93], то в XX в. государства, осуществляющие модернизацию, пытались соединять прогрессивные достижения разума Запада с разумом и потребностями собственной цивилизации.

До XXI в. говорилось о восходящем характере всякого развития, о неодолимости нового, прогрессивного в любых условиях. Отсюда критерием общественного прогресса считались овладение природой, развитие производительных сил, достижение в конечном счёте более высокой производительности труда, переход к более высокой общественно-экономической формации (К. Маркс), рост сознания свободы (Гегель), постепенное и неуклонное приближение человеческого общества к правовому устройству, т.е. правовому государству (Ф. Шеллинг), уровень нравственности (И. Кант, И. Гердер, П. Прудон, отчасти Г. Спенсер, социалисты-утописты, в частности Сен-Симон), развитие разума, науки, просвещения (О. Конт, А. Тюрго, французские просветители, особенно Ж. Кондорсе). Немаловажным было то, что мыслители пришли к выводу, что общественный прогресс – это не цель, а средство, поэтому самым оптимальным (общефилософским) высшим критерием общественного прогресса является человек как цель (а не средство) общественно-исторического развития, его (человека) всестороннее и гармоничное развитие (не «человек-функция», «а человек-личность»), его свобода как степень господства над внешним миром (а не только «свобода во внутренней жизни» – Ж.-П. Сартр), его счастье (И. Кант, Гегель, Г. Спенсер, К. Поппер).

Несомненно, триумф идеи общественного прогресса – это XVIII в., век просвещения, науки и разума. Как подчёркивали классики марксизма, «беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от других» [9, с. 427]. Поэтому именно Ж. Кондорсе представил прогресс общества как прогресс разума, который есть двигатель общественного прогресса. Первоисточником его собственной активности является «потребность в новых идеях или новых ощущениях» [8, с. 42], а уже затем прогресс закономерен, поскольку подчиняется общим законам развития.

Но ничего странного нет и в том, что в эпоху Просвещения появляется и идея противоречивости общественного развития (Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, О. Конт), а начиная с конца XIX в. идея противоречивости развития и прогресса, как его этапа, выступала уже как саморефлексия эпохи модерна. Критика идеи прогресса в целом, капитализма – в экономике, сциентизма и позитивизма – в науке, авторитаризма и тоталитаризма – в политике нашла своё отражение в работах М. Вебера, К. Маркса, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и др. Конечно, общественный прогресс – противоречивый процесс. Но неправильно как недооценивать роли и функции противоречий в самом механизме общественного процесса, так и оценивать силу прогрессивного общественного развития, исходя из наличия и могущества его противоречий.

В 1920–1930 гг. представители франкфуртской школы (Т. Адорно, Т. Маркузе, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер) вскрыли потенциальную регрессивность таких явлений, как рационализация (в том числе, просвещение в целом), что отразилось в понятии «инструментальный разум», который позже оборачивается против своего носителя – человека. И как следствие в обществе зародился феномен «массового человека» как почвы для возникновения тоталитаризма (а позже – для всяческих «цветных революций», «майданов» и пр.), а для обществоведов возник предмет для анализа регрессивных явлений: кризис, катастрофа, крах, упадок, коллапс, надлом, распад, социальная деградация, «новое варварство», «антипрогресс» и т.п.

Как известно, регресс – это процесс, противоположный прогрессу и означающий обратное (попятное) движение общества, отступление от завоеванных позиций, возвращение к предшествующему уровню. Если прогресс – это абсолютный всемирно-исторический, глобальный процесс («Нелёгкий путь, но ветер века – он в наши дует паруса» – А.Т. Твардовский), то регресс – это относительно локальный процесс. Правда, в философии истории до идеи прогресса, начиная с древнегреческого поэта и философии Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.), вопрос о регрессе был поставлен категорически. В его поэме «Труды и дни» (последнее русское издание в книге «Эллинские поэты». М., 1999) говорится о пяти веках истории человечества: золотом, серебряном, медном, героическом и железном, из которых каждый последующий будет хуже предыдущего; последний характеризуется эгоизмом людей, всеобщим озлоблением и завистью. К сторонникам такой тенденции нередко причисляют Горация, Руссо («назад к природе!»), Ницше, Шпенглера. При этом Руссо, Монтескье, Вольтера называют «скептиками-оптимистами». Определение общественного прогресса как формы поступательного развития общества не было характерно и для Платона и Аристотеля, которые понимали человеческую историю как циклический процесс, повторяющий одни и те же стадии, т.е. можно предположить, что они допускали возврат к прошлому. Древнегреческий историк Полибий (ок. 200–120 гг. до н.э.) в шестой книге его «Всеобщей истории» утверждал, что формы государственного устройства меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются по новому кругу [12, с. 61–62].

Отечественные философы выделяли и другие подходы к общественно-историческому процессу: циклическая, линейная и спиралевидная концепции, ковариантная модель, альтернативно-ризомная интерпретация, корни или основания метапаттернов истории [3, с. 141]. Идею цикличности развивали советский экономист Н.Д. Кондратьев («длинные волны»), австрийский экономист и социолог И. Шумпетер («циклическость как закономерность экономического роста»), немецкий социолог

и социальный философ А.Вебер («локально-цивилизационный подход»), русский учёный Л.Н. Гумилёв («социобиологическая концепция этноса»).

Понятие «прогресс» неразрывно связано с понятиями «модернизация» и «глобализация», также имеющими категориальный статус. Как подчёркивает Ю. Хабермас, «модерным, т.е. современным, с эпохи Просвещения и романтизма считается всё то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» [16, с. 40–41]. Модернизация предполагает кардинальные изменения социальных и политических институтов и образа жизни людей.

Идея деления на доиндустриальную («традиционное», «аграрное», «восточное» общества) и индустриальную стадии была повторена после К. Маркса в XIX в. немецким социологом Ф. Тённисом. Позже последняя концепция была положена в основу концепций модернизации (некоторые из них стали теориями). Модернизация – процесс социально-экономического, культурного и политического преобразования традиционного общества в индустриальное. В результате НТР, информационной или технологической революций произошел переход к постиндустриальному обществу, когда наука стала «непосредственной производительной силой», ей (постиндустриальной стадии) присущи высокий уровень развития информации и сферы услуг. При этом предполагается создание правового государства, гражданского общества, формирование соответствующих им либерально-демократических институтов. Как видно, определяющее значение в общественном развитии всё более принадлежит теоретическому знанию как источнику всех инноваций, модернизационная инициатива переходит к интеллигенции, а политические решения и экономические программы должны основываться на результатах научных исследований. Соответственно экономическая модернизация предполагает существенную интенсификацию сельского хозяйства и масштабную индустриализацию, развитие транспортных средств, связи и коммуникаций, создание рыночной экономики, демографический переход и урбанизационный рост. Культурная модернизация означает создание человека иного типа, ориентированного не на традиционные ценности, а на рационализм.

Преобразуется и традиционная политическая система. В капиталистическом обществе ослабевает зависимость индивидов и общественных групп от власти, государство начинает восприниматься не как «орудие для поддержания господства одного класса над другим» (В.И. Ленин), а как особый институт, выполняющий важные организационные функции в обществе, государство-ассоциация индивидов, озабоченных общими целями и задачами («солидаристская концепция»).

Актуальность модернизации для России, в частности, требует осмыслить термин «догоняющее развитие» и его содержание (понятие). В социальной философии различаются основные виды и формы общественного прогресса: 1) постепенный вид общественного прогресса (реформистский); 2) скачкообразный вид общественного прогресса (революционный) и 3) модернизация как форма общественного прогресса, подразумевающая качественный революционный переход от доиндустриального общества к индустриальному и постиндустриальному, осуществляющийся путём комплексных реформ (отсюда, «революционный реформизм»), растянутых во времени. В самой модернизации можно выделить 1) органическую модернизацию и 2) неорганическую модернизацию. Органическая модернизация является элементом, частью собственного развития страны и подготовлена всем ходом предшествующей эволюции. Она начинается с культуры и изменения общественного сознания.

Неорганическая модернизация представляет собой «ответ» на внешний «вызов» со стороны более развитых стран. «Вызов» (чаще всего внешний) – это фундаментальная проблема, с которой сталкивается цивилизация в своём развитии, а «ответ» (почти всегда внутренний) – это то, как цивилизация справляется с данной проблемой. С точки зрения А. Тойнби, «функция внешнего фактора» заключается в том, чтобы превратить «внутренний творческий импульс» в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [13, с. 108]. Именно неорганическая модернизация является способом «догоняющего» развития,

предпринимаемого государством для того, чтобы преодолеть историческую отсталость и избежать зависимости от более развитых стран. Она начинается, как правило, с политики и экономики, как мирным, эволюционным, так и радикальным способом, в том числе в условиях авторитаризма, поэтому часто носит характер форсированной модернизации, что чревато социально-политическими издержками. Истоки радикальной (революционной) модернизации коренятся, в частности в разрыве представлений о необходимости модернизации у косной старой политической элиты, а также, говоря словами А. Тойнби, у «активного меньшинства» и «пассивного большинства» [13, с. 259–261]. Поэтому революция, совершённая руками «активного меньшинства», уничтожает косную элиту и либо мобилизует «пассивное большинство», либо подчиняет его и проводит модернизацию.

Следовательно, органическая модернизация идёт «снизу» (от самой жизни, реальности), а неорганическая модернизация – «сверху» (политическая воля). В условиях современной российской действительности можно надеяться на эволюционное развитие и перерастание авторитарной модернизации (политическая воля) в её демократическую фазу (демократическая модернизация).

Чтобы приблизиться к пониманию сущности происходящих в России модернизационных процессов, по нашему мнению, важным методическим вопросом является выяснение соотношения понятий «модернизация», «революция» и «реформа».

До 1980-х гг. в России в основном анализировались «великие социальные революции»: нидерландская 1566–1609 гг., английская 1648–1653 гг., американская (США) 1775–1783 гг., французская 1789–1799 гг., революция в России в октябре 1917 г. При этом большинство исследователей исходило в целом из марксистского классового подхода, т.е. социальная революция определялась как коренное преобразование государственных и классовых структур в результате восстания народных масс, прежде всего эксплуатируемых общественных классов. А главное – политические преобразования сопровождались социальными преобразованиями.

Философско-исторический анализ показывает, что в революционных процессах можно выделить определённые этапы, состояния и формы.

Бунт – это стихийная попытка разрешения конфликта между управляющими и управляемыми, открытое сопротивление властям, которое превращается в беспорядки. Это «соляной бунт» 1648 г., «медный бунт» 1662 г., «чумные бунты» 1771 г., «холерные бунты» 1830-х гг., «картофельные бунты» 1840–1844 гг.

Мятеж является организованным вооружённым выступлением обычно с участием профессиональных военных, когда проводятся противоправные акты с применением физического насилия. Это «корниловский мятеж» в августе 1917 г., «белочешский мятеж» 1918 г., «кронштадтский мятеж» и антоновский мятеж в 1921 году. С нашей точки зрения, мятежами были и так называемые «восстания стрельцов» в «петровский период» 1682, 1689 и 1698 гг.

Если народные массы не поддерживают мятежников, то такое выступление называется путчем. Это, скорее всего, «восстание декабристов» 1825 г., «августовский путч» 1991 г. (с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению – ГКЧП).

Мятеж, соединённый с бунтом народных масс, называется восстанием. Вооружённые восстания различаются по продолжительности, степени интенсивности, количеству участников, конечным результатам. В противоположность деструктивному бунту, вооружённое восстание в лице его организаторов имеет мотивированный целевой характер и заставляет власть считаться с восставшими. В российской истории вооружённые восстания назывались «казацко-крестьянскими восстаниями», или «крестьянскими войнами»: И. Болотникова 1606–1607 гг., С. Разина 1670–1671 гг., К. Булавина 1707–1708 гг., Е. Пугачева 1773–1775 гг. Это были именно восстания, а не революции, так как налицо протестные выступления классов и социальных групп, неспособных к созданию нового общественного строя.

Вооружённое восстание – это необходимое условие революции как волевого насильственного ниспровержения старой государственной власти и установления новой, так как главным вопросом революции является вопрос о государственной власти.

Активное противодействие революции, борьба класса, пожертвовавшего власть в результате революции против класса, захватившего госвласть, с целью его уничтожения и восстановления дореволюционного порядка называется контрреволюцией. Она всегда происходит с применением физического и духовного насилия. Борьба революционеров и контрреволюционеров обычно принимает форму гражданской войны – войны внутри страны между соотечественниками. Это гражданская война в Советской России 1918–1920 гг. (в широком смысле 1917–1922 гг.).

Как показывает современная историческая практика, революции могут происходить и в относительно мирных формах разрешения противоречий и конфликтов. Например, «бархатные революции» в странах бывшего «социалистического содружества» в 1989–1990 гг. за исключением Румынии, где по приговору суда 25 декабря 1989 г. были расстреляны президент государства Николае Чаушеску и его супруга Елена Чаушеску). Это были «антиимперские революции» (против СССР), «антиталитарные революции» (против социализма).

Под впечатлением событий, произошедших на рубеже XX–XXI вв., марксистская революционная парадигма, классовое понимание революций подверглось некоторому (и даже радикальному) пересмотру. А.Р. Дарендорф, например, выразил сомнение в способности классов, пришедших к власти в Центральной и Восточной Европе, к историческому творчеству [4, с. 20]. Он поставил под сомнение марксистскую концепцию о наличии антагонистических противоречий в современном капиталистическом обществе.

Дарендорф рассуждает следующим образом. Классовая теория, основанная на делении общества на основные и неосновные классы, а среди основных классов – на владельцев и невладеющих средств производства, теряет научную ценность в XXI в., когда формальная (юридическая) собственность на средства производства и фактический контроль над ней отделяются друг от друга, перестают быть в одних руках (на Западе корпоративная собственность составляет до 70 %). Тем более, что социальные конфликты признаются и регулируются. Источником (причиной) развития является не классовая борьба, а корпоративно-профессиональная борьба, индивидуальная конкуренция и высокая социальная мобильность, а их субъекты-носители являются движущими силами современного общественного развития [5, с. 54–55].

Анализ общественно-исторического развития показывает, что революционный путь общественных преобразований, пусть даже являющийся объективной необходимостью, а в историческом плане – прогрессивным, является, тем не менее, неоправданным, негативным, так как приносит огромные бедствия – гражданские войны, человеческие жертвы, материальные разрушения. Так, во Франции в 1789–1815 гг. погиб каждый шестой француз (известное выражение Ж. Дантона: «Революция пожирает своих детей»). Революция как форма общественного изменения уступает эволюционным формам. Исходя из общепризнанного марксистского определения социальной революции как коренного качественного изменения, прерывающего постепенности, скачка, сделаем логически обоснованный вывод, заключающийся в том, что революция как таковая – это всё-таки неравновесная (ненормальная) модель социальных преобразований, сопровождающаяся дестабилизацией социальной системы.

Отдельно отметим роль октябрьской революции («переворота») в России в 1917 г. Соглашаясь с критикой многих негативных потрясений, которые она вызвала в отечественной истории, подчеркнём, тем не менее, что она шла под лозунгом социальной справедливости, нового альтернативного устройства общественной системы. И сегодня на Западе не могут не признать, что теория и практика социального государства – это порождение русской революции. В ней видят не только кровь, страдания и бедствия. Её воспринимают как свершение, действительно перевернувшее жизнь планеты. И совершенно логично осознают, что без неё не было бы ни совре-

менных Швеции, Германии, Франции, ни Евросоюза, так как в его основу заложены левые, социалистические принципы и основания. Более того, в нашей стране появился новый проект «советского варианта модернизации».

Реформа – это особая часть революционного процесса (вспомним «революционный реформизм»). Реформам, в отличие от революций, свойственны постепенность, поэтапность изменений, наличие промежуточных звеньев в общественных преобразованиях. Политическая борьба в ходе реформ характеризуется мирной политической конкуренцией, поиском компромиссов, проявлением цивилизованности в политических отношениях. Созидательный характер реформ проявляется в том, что они подготавливают новые качественные изменения, способствуют мирному переходу к качественно более совершенной общественной системе, а главное – содействуют мирной форме протекания революционного процесса. Не вызывает сомнения и тот факт, что в революционных процессах современной истории непреложно возрастает значение созидательных целей в ущерб разрушительным. Реформы превращаются из подчинённого и вспомогательного фактора в своеобразную форму революционного преобразования. Тем самым возникают возможности взаимопроникновения и очевидно, взаимопрехода, взаимовлияния реформы, революции и модернизации как видов и форм общественного прогресса.

Что касается революции 1991 г. в СССР, то здесь, по-видимому, существовал способ производства, известный под названием «азиатского». Более верным представляется термин «политарный» (введён в оборот Ю.И. Семёновым). Точнее, в СССР существовал «неополитаризм», или «индустриальный политаризм», когда владельцем собственности являлся госаппарат. Как подчеркивает Г.А. Завалько, в 1991 г. «переворот носил социальный, а не только политический характер: возник новый строй, в чём была заинтересована номенклатура как целое. Разлом внутри неё, приведший к вооружённому противостоянию 1989–1991 гг., прошёл между сторонниками сохранения единства страны (что давало призрачный шанс на ортокапитализм и вхождение в ядро) и сепаратистами в руководстве союзных республик, чья победа сбросила обломки СССР на периферию» [6, с. 240].

Модернизация как теория развивается уже более двух столетий. В её основе лежит взгляд на мир как на ряд стран, находящихся на разных уровнях развития. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что и исторически, и сегодня модернизация в России происходит в расколотом обществе. Это как минимум две позиции в общественном сознании: модернизаторы (западники) и традиционалисты (условно говоря, славянофилы), что не способствует единству, а главное – не может продолжаться бесконечно. Западники признают, что российская цивилизация – это не «северная евразийская цивилизация», или «Великая Северная цивилизация» (как заявляют патриотически настроенные обществоведы), а субцивилизация внутри восточнославянской (или православной) цивилизационной общности. И если во внешнем аспекте модернизационный процесс в России детерминируется телеологией имперского противостояния Западу, то во внутреннем аспекте он детерминируется динамикой борьбы доминирующей имперской и выступающей в качестве компоненты либеральной моделями модернизации. Причём, имперская и либеральная модели модернизации, как отмечал С.Н. Гавров, будучи разными по силе проявления, практически всегда действуют параллельно, что окончательно дезориентирует всех сторонников модернизации.

История российской модернизации – это история реформ, революций и перестроек. Специфика российской цивилизации заключается в том, что доминантой социальной интеграции выступает государство, которое задаёт обществу нормативно-ценностный эталон. Теоретически это объясняется фактором «догоняющего» развития. Исторический опыт показывает также, что модернизационные проекты должны соответствовать социокультурному пространству, в котором они осуществляются. Если инновации не воспринимаются как необходимое и конструктивное, это может вызвать всплеск социальной агрессивности части населения.

Ельцинские реформы 1990-х гг., например, привели к созданию в современной России дикого олигархического капитализма. Появились идеи, что в 1917 г. народ получил от большевиков справедливость, но потерял свободу, а после 1991 г. население получило свободу, но потеряло справедливость. По крайней мере, модернизация приобрела стихийный характер, хотя власть пыталась формально утвердить основные демократические ценности, а дефолт 1998 г. завершил постсоветскую модернизацию. Примечательным является следующее замечание. Историк академик Д.С. Лихачёв отмечал, что в древнерусской литературе само философское понятие «прогресс» отсутствовало, а залог существования России в том, что она не идёт вперёд – этот путь однажды бы закончился. Россия дёргаными зигзагами ходит по кругу.

Особое место занимает вопрос – считать ли создание системы социализма в СССР специфической формой модернизации. Важно отметить, что процессы бурного технологического роста в Советском Союзе сопровождались возвратом к дорыночной редиистрибутивной экономике, исчезновением эмбриональных институтов гражданского общества. Все эти факторы, равно как и нерасчленённость экономики и политики, тотальное огосударствление общества сближало общественный строй СССР – «административную систему» – с моделью «азиатского способа производства». По всей видимости, сложившееся после 1917 г. общество следует рассматривать как особую «негативную форму синтеза» модернизирующегося традиционного общества с отрицанием капитала, обусловленного влиянием марксистских идей. Это было предопределено особой ролью государства в истории России, слабостью институтов гражданского общества. В результате возник «неополитаризм – единственная успешная форма избавления от зависимости; неополитарная революция – единственная возможная победоносная революция в зависимых странах» [7, с. 112].

Возникает вопрос: как российскому обществу перейти от государственного капитализма и капитализму в собственном смысле слова? Существуют следующие модели: 1) тоталитарная модель, в которой нет общества, так как оно поглощено государством; 2) неолиберальная модель, или «рыночный путь в рыночную экономику», связанная с «шоковой терапией», которая должна расчистить место рыночным отношениям; 3) эволюционная модель, призванная «выращивать семена рыночной экономики, а не разрушать всё оставшееся от прошлого» (образцом здесь является Китай с его идеей «постепенных реформ» в построении «рыночного социализма»); 4) модель наследия, в рамках которой выдвигается идея «неслучайного пути», который предопределён институциональным прошлым; особенностью этой модели является то, что её сторонники придерживаются позиции, согласно которой «ни иерархия, ни рынок не могут нам помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное, названное ими «сетью» – неформальная экономика, выросшая в недрах госкапитализма, «разорвала свою защитную оболочку и прошествовала на международную арену» [14, с. 10–11].

Категория «глобализация» подверглась всестороннему анализу в течение не менее полутора десятилетий [17, с. 30–31]. Отметим два важных момента. Во-первых, в последнее время в связи с политическими и экономическими процессами на Западе всё более набирает силу идея, заключающаяся в том, что глобализация – это не только объективный процесс, но здесь присутствует субъективная составляющая: а) кому-то это выгодно и он пытается управлять процессами глобализации; б) одновременно проявляется тенденция усилить внутринациональную (если угодно патристическую), т.е. антиглобалистическую направленность, приоритет национального капитала (это показали дебаты президентской гонки в США в 2016 г.). Во-вторых, глобализацию следует отличать от глобализма, или гегемонизма, – прежде всего политической модели мира в виде пирамиды, на вершине которой находятся США («однополярный мир»), которые усиленно навязывают своё понимание расстановки сил на международной арене, демократии, образа жизни, культуры, отвергая аналогичное у других стран и народов и вызывая движение антиглобалистов. Строго говоря, последнее называется «Движением за глобальную демократизацию». Кличка «анти-

глобалисты» дана им враждебной стороной. Сейчас входит в оборот термин «альтерглобализм»: глобализация плоха не сама по себе, а из-за её буржуазного характера. Не случайно международный терроризм подаётся его носителями и воспринимается некоторыми слоями мировой общественности как вызов «глобальному управлению миром», т.е. именно глобализму.

Таким образом, общество – это целостное образование. Динамика же его эволюции требует постоянного концептуального осмысления, «наполненная» новым, актуальным содержанием категорий, отражающих общество как систему. Недостающими элементами этой системы в теории являются также такие общие понятия как «направленность исторического прогресса», «источники (причины) изменения общества», «движущие силы (факторы) общественно-исторического развития».

Список литературы

1. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи / С. Н. Гавров. – Москва : УРСС, 2004. – С. 55, 72.
2. Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург, 1933. – С. 119.
3. Гречко П. К. Концептуальные модели истории / П. К. Гречко. – Москва, 1995. – С. 141.
4. Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе / Р. Дарендорф. – Москва, 1998. – С. 20.
5. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 54–55.
6. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции / Г. А. Завалько. – Москва : АВИАРУС – XXI, 2003. – С. 240.
7. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках / Г. А. Завалько // Труды членов Российского философского общества. – 2009. – Вып. 16. – С. 112.
8. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе. – Москва, 1936. – С. 42.
9. Маркс К. *Собрание сочинений* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1955–1981. – Т. 4. – С. 427.
10. Материалисты Древней Греции. – Москва, 1955. – С. 163.
11. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – Москва, 1992. – Т. 2. – С. 479.
12. Семенов Ю. И. *Философия истории* / Ю. И. Семенов. – Москва, 1999. – С. 61–62.
13. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – Москва : Прогресс, 1991. – С. 108.
14. Федотова В. Г. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 10–11.
15. Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 93.
16. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–41.
17. Шевчук И. И. Актуальные проблемы российской модернизации: опыт философско-исторического анализа / И. И. Шевчук // Труды членов Российского философского общества. – 2014. – Вып. 19. – С. 30–31.

References

1. Gavrov S. N. *Modernizatsiya vo imya imperii* [Modernization in the name of the empire]. Moscow, URSS Publ., 2004, pp. 55, 72.
2. Gegel G. V. F. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg, 1933, p. 119.
3. Grechko P. K. *Kontseptualnye modeli istorii* [Conceptual models of history]. Moscow, 1995, p. 141.
4. Darendorf R. *Posle 1989: Moral, revolyutsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Razmyshleniya o revolyutsii v Yevrope* [After 1989: Morality, Revolution and Civil Society. Reflections on the Revolution in Europe]. Moscow, 1998, p. 20.
5. Darendorf R. *Elementy teorii sotsialnogo konflikta* [Elements of the theory of social conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1994, no. 5, pp. 54–55.

6. Zavalko G. A. *Ponyatie "revolyutsiya" v filosofii i obshchestvennykh naukakh: problemy, idei, kontseptsii* [The concept of "revolution" in philosophy and social sciences: problems, ideas, concepts]. Moscow, AVIARUS – XXI Publ., 2003, p. 240.
7. Zavalko G. A. *Ponyatie "revolyutsiya" v filosofii i obshchestvennykh naukakh* [The concept of "revolution" in philosophy and social sciences]. *Trudy chlenov Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Proceedings of the members of the Russian Philosophical Society], 2009, no. 16, p. 112.
8. Kondorse Zh. A. *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [A sketch of the historical picture of the progress of the human mind]. Moscow, 1936, p. 42.
9. Marks K., Engels F. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1955–1981, vol. 4, p. 427.
10. *Materialisty Drevney Gretsii* [Materialists of Ancient Greece]. Moscow, 1955, p. 163.
11. Popper K. R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open society and its enemies]. Moscow, 1992, vol. 2, p. 479.
12. Semenov Yu. I. *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History]. Moscow, 1999, pp. 61–62.
13. Toynbi A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress Publ., 1991, p. 108.
14. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. *Kakaya modernizatsiya i kakoy kapitalizm nuzhny Rossii?* [What kind of modernization and what kind of capitalism is needed for Russia?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 10, pp. 10–11.
15. Frank S. L. *Smysl zhizni* [The meaning of life]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1990, no. 6, p. 93.
16. Khabermas Yu. *Modern – nezavershenny proekt* [Modern - unfinished project]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no. 4, pp. 40–41.
17. Shevchuk I. I. *Aktualnye problemy rossiyskoy modernizatsii: opyt filosofsko-istoricheskogo analiza* [Actual problems of Russian modernization: the experience of philosophical and historical analysis]. *Trudy chlenov Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Proceedings of the members of the Russian Philosophical Society], 2014, no. 19, pp. 30–31.

**П.И. НОВГОРОДЦЕВ И И.А. ИЛЬИН:
БИОГРАФИИ, ФАКТЫ НАУЧНОЙ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ**

Ильин Алексей Александрович, аспирант
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: korablevrr@mail.ru

За последние десять лет цитаты Павла Ивановича Новгородцева и Ивана Александровича Ильина стали употребляться довольно часто, причем из уст представителей федеральной власти. Павла Новгородцева и Ивана Ильина сегодня относят к русским зачинателям права, законности, чести и патриотизма. И что самое интересное, вспоминают Новгородцева и Ильина не по отдельности, а практически всегда вместе. Почему такое происходит, есть ли общие пункты в их биографии и творчестве? С помощью исторического метода, мы выявляем моменты пересечения ученых при их жизни и опираясь на индукцию и дедукцию устанавливаем причины формирования и сходства их политических взглядов.

Ключевые слова: Новгородцев, Ильин, Кант, Гегель, ученик, учитель, эмиграция, диссертации, политические взгляды

**P.I. NOVGORODTSEV AND I.A. Ilyin: BIOGRAPHIES, FACTS
OF SCIENTIFIC AND ACADEMIC LIFE**

Ilyin Alexey A., postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: korablevrr@mail.ru